

В списке американских женских имен данного периода наиболее частотными признаны Mary (Мария), Anna (Анна) и Helen (Елена) [8], являющиеся самыми распространенными и в общероссийском антропонимиконе. По данным многих исследователей (Л. М. Щетинин, В. А. Никонов, В. А. Ивашко, Р. В. Головина и др.), антропоним Елена в конце XIX в. входил в число наиболее распространенных в именниках многих районов Российской Империи. Однако, как отмечают авторы монографии «Русские в Омском Прииртышье (XVIII-XX века)», среди самых частотных имен с Низового этого антропонима нет. В антропонимиконе исетских старообрядцев данное имя также не является частотным: по распространенности оно занимает 19 место. Возможно, меньшая распространенность имени Елена в антропонимиконе старообрядцев Исетской волости является локальной особенностью именника Западно-Сибирского Зауралья.

Сходство исетского старообрядческого женского антропонимикона конца XIX в. с именниками других мест Сибири значительное, но все же не полное. Так, например, особенностью сибирского именника в отличие от общероссийского является более высокая частотность имен Прасковья, Пелагея, но в то же время многочисленность употреблений у старообрядцев Исетской волости антропонимов Иулиания, Александра, не находящая соответствия в других западносибирских именниках, а также наличие имен, признанных ономастами неупотребительными в России, позволяет говорить об уникальности исетского женского старообрядческого антропонимикона как по количеству употреблений антропонимов, так и по именному составу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 1998. 685 с.
2. Никонов В. А. Ищем имя. М., 1988. 128 с.
3. Суперанская А.В. Женские имена // Словарь русских личных имен / Суперанская А. В. М., 2004. С. 52-56.
4. Никонов В. А. Имя и общество. М., 1974. 278 с.
5. Ивашко В. А. Как выбирают имена. Минск, 1980. 174 с.
6. Русские в Омском Прииртышье (XVIII-XX века). Историко-этнографические очерки. Омск, 2004. 236 с.
7. Головина Р. В. Антропонимы в русской народной лирической песне: Автореф. канд. филол. наук. Орел, 2001. 19 с.
8. List of the most popular names in the 1890s in the United States // Wikipedia. http://en.wikipedia.org/wiki/List_of_the_most_popular_names_in_the_1890s_in_the_United_States
9. ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 417. Оп. 2. Д. 3420 (д. Бархатова) на 96 листах.

*Диана Маратовна МУХАМАДИЕВА—
аспирант кафедры общего языкознания*

УДК 81'367:398

ОСОБЕННОСТИ НЕВЕРБАЛЬНОГО И ВЕРБАЛЬНОГО КОДИРОВАНИЯ В КОЛЫБЕЛЬНОЙ ПЕСНЕ

(НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ И ТАТАРСКИХ НАРОДНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН)

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются способы невербального и вербального кодирования в колыбельной песне с учетом взросления адресата исполнения (ребенка).

The author focuses upon ways of nonverbal and verbal encoding in the lullaby taking into consideration the age of an infant /

Одним из решающих факторов обращения к теме является недостаточная изученность колыбельной песни с позиций лингвистики. В то время как колыбельная песня признана лирикой материнства и одним из инструментов педагогического воздействия (В. П. Аникин, И. С. Карабулатова, А. Н. Мартынова, М. Н. Мельников), практически не исследуется вопрос механизма воздействия колыбельной песни. Поэтому возникает вопрос, каков механизм воздействия колыбельной песни на слушающего.

Целью нашего исследования является выявление особенностей невербального и вербального кодирования в колыбельной песне. Материалом исследования послужили русские и татарские народные колыбельные песни, собранные на территории юга Тюменской области.

Специфика кодирования в колыбельной песне связана с физиологическими особенностями взросления адресата (ребенка в период младенчества и до трех лет). Изначально ребенок не воспринимает смысловую сторону звучащей речи. На начальной стадии для него актуальны невербальные способы воздействия: визуальный образ поющей (в основном матери), жест (в нашем случае касание, прикосновение), темп речи, интонация, музыка (мелодия, ритм). И только по мере взросления ребенок осознает смысл слов, и вступают в силу способы вербального кодирования.

Лингвосомиотика культуры трактует код как систему означивания, то есть как конфигуративную совокупность знаков, которая сформировалась при помощи стереотипов этнокультурного сознания. В качестве предмета культурной семантизации выступают смысловые отношения, которые объективированы знаками и включены в систему уже ранее сформированного культурного сознания [1]. Прежде чем осуществить этноязыковое кодирование культурноносных смыслов, необходимо осмыслить денотативно-прагматическую ситуацию, в которой находится предмет духовно-практического освоения. Осмысление денотативно-прагматической ситуации означает понимание ее рациональности [2]. «Простейший способ кодирования — закрепить за предметом или понятием (представлением) замещающий его в понятии знак. При этом следует помнить, что словесный образ или внутренняя форма номинанта фиксирует не все признаки и свойства денотата» [3]. При помощи выработки специальных кодов сознание отбирает только ту коммуникативно-значимую информацию, которая наиболее важна для индивида определенного этнокультурного сообщества, ее называют «селективной» [4].

Для отмены стирания смыслов общество выделяло «ядерные фрагменты памяти» и сохраняло их при помощи ритуала или обряда, это подтверждает прагматическую ориентацию культуры [5]. С течением времени традиционная колыбельная песня обозначилась как особый микромир, особое смысловое пространство, внутри которого закономерно сформированы способы невербального и вербального кодирования.

М. Р. Желтухина отмечает, что в качестве кодов могут выступать различные средства [6]. Она предлагает следующую классификацию:

1) вербальные средства:

- лексика и стиль устной речи;
- лексика и стиль письменной речи;

2) невербальные средства:

- темп речи;
- визуальный образ (человек, животное, предмет);

- жест (статуса, отношения к чему-либо, собственнических и территориальных претензий);
- цвет (яркий, приглушенный, тусклый);
- звук (мелодия, интонация, тембр голоса, модуляция);
- запах (цветов, духов, сигарет, моющих средств);
- вкус (шоколада, кофе, чая, сока).

В ходе исследования колыбельных песен мы выделяем следующие коды: паравербальный (экстралингвистические факторы), музыкальный (специфика построения, структура, исполнение), вербальный (на уровне лексики и синтаксиса), особое место в вербальных средствах занимает эмотивный код (в данном случае нас интересует вербальное выражение эмоций).

Что касается паравербального кода, то наблюдения за традиционным исполнением колыбельных песен показывают, что независимо от возраста поющего исполнение колыбельной песни связано с определенным психологическим состоянием самого исполнителя. Как правило, это измененное состояние сознания, для которого характерна фиксированность взгляда, некое застывание, отрешенность, погруженность в себя, особое произнесение текста (как бы издалека). Для того чтобы выйти на необходимый уровень и тембр звучания, нужно представить и воспроизвести нежно-восторженный, ласкающий выдох ртом, с визуализацией свежести, аромата и покоя. Эффект дают только те колыбельные, которые исполнены матерью в «правильном» эмоциональном состоянии [7].

Д. Н. Антонова считает, что интонация — это совокупность просодических средств языка: мелодики, интенсивности, длительности, тембра, паузации [8]. Лингвисты называют просодические элементы языка паралингвистическими средствами языка и считают их важным компонентом невербальной коммуникации [9]. С. Н. Цейтлин пишет, что речь матери, обращенная к малышу, богата по интонационной окраске. Общение с ребенком в начальный период его жизни происходит прежде всего на эмоциональном уровне [10]. При исполнении колыбельной песни интонация получает значение «звучания музыкального инструмента или голоса» [11].

Г. Е. Крейдлин в своем исследовании по семиотике пишет о разных типах культур и соответствующих им типах музыки, о восходящей и нисходящей звучности. Что касается татарской колыбельной песни, то здесь музыкальное оформление напоминает орнамент: чередование восходящей и нисходящей звучности. Музыкальный код колыбельной песни, как отмечает И. С. Карабулатова, разных этносов ориентирует на ценности духовной культуры. У тюрков Тюменской области существует определенная специфика при передаче нравственных идеалов языком музыки. Татарские песенницы сохраняют и передают из поколения в поколение старинные мелодии, оберегая тем самым подлинность национально-культурного наследия. «Для жанра колыбельной песни характерен традиционный звукоряд татарской музыки — пентатоника. Она определяет ее национальный колорит и является ладовой основой, составляющей одну из существенных черт музыкального национального стиля татар. Для татарского песенного мелоса характерно плавное поступательное движение по звукам пентатоники. В татарских песнях регистровые зоны, как правило, равноценны по звучанию. Пентатоника предполагает определенное равновесие всех тонов и основной устой определяется в первую очередь ритмическим решением. Эстетический идеал татарской мелодики предполагает отсутствие резких скачков, а необходимые переходы из одной регистровой зоны в другую заполняются «украшением», звуковым узором — короткими форшлагами, мордентами» [12]. «Художественную привлекательность татарским напевам колыбельных придает один из обязательных элементов татарской музыки — орнаментация, а также изощренный распев слогов, сглаживающий строгую метрику напева. Формируя музыкальными средствами вниматель-

ность, тренируя фонематический слух ребенка, татарская колыбельная песня приучает его быть внимательным к мелочам, скрупулезным при достижении цели» [13].

Мы, вслед за В. И. Шаховским, под эмоциями понимаем особую форму отношения человека к явлениям окружающей действительности, которая обусловлена их соответствием или несоответствием потребностям человека [14]. Человек познается через эмоции как языковая личность именно потому, что эмоции являются важнейшей характеристикой человека и его речевой деятельности. Языковые средства, лежащие в основе выражения эмоций человека, типизированы, кодированы и универсальны для определенной языковой общности [15]. Потребность человека в эмоциональном типе коммуникации, обладающей тактической и стратегической направленностью, объясняет «наличие специального эмотивного кода языка и эмотивных средств на всех его уровнях, маркированных специфичной эмотивной семантикой» [16]. Лексика, используемая в колыбельных разных этносов, обладает в основном внутренним эмотивным потенциалом. Например, татарским колыбельным песням свойственны следующие ласковые номинации ребенка: йолдызым — звездочка моя; гузэлемнең гузэге — красивый мой; йөрэгемнең узэге — кусочек сердца моего; чибэрем, чибэрем — прекрасный мой; и жомырым, жомырым — круглый мой, пушистый мой; сандугачым, былбылым — соловей мой; зиннэтем син, кадрем син — драгоценный, дорогой мой. Эмотивность создается в основном с помощью повторов близких по значению слов или синонимов. Звукопись при этом имеет далеко не последнее значение. Эмотивные номинации употребляются очень часто, есть колыбельные, в которых на четыре строчки текста приходится пять эмотивных слов. Характерной особенностью колыбельных является положительная окраска эмотивов. Например:

Балакаем-жаныкаем,	Дитя мое, душа моя,
Сиңа жырлар жырлаем,	Тебе пою я песни,
Күгәрчен кебек гөрлием,	Воркую, как голубка,
Йокла-йокла, гөлием.	Спи, мой цветочек.

В русских колыбельных песнях эмотивность создается посредством уменьшительно-ласкательных суффиксов. Например, баю-баю, баиньки, на лужайке — зайчики, зайкам — под осинку, Мише — под перинку.

Известно, что жанр колыбельной песни — это взрослый фольклор, лирика материнства. Мать конструирует при помощи положительно окрашенных эмотивов радостное настроение. Эмотивная лексика в колыбельной песне выполняет свою первичную функцию — передачу положительно-окрашенного эмоционального отношения, что является одним из коммуникативных признаков общения, осуществляемого при исполнении колыбельной песни.

Вербальное кодирование происходит также на уровне персонажей колыбельной песни. Все образы изначально подразделяются на свои и чужие, что является отражением концепта «свои — чужие» в колыбельной песне, который, по мнению Ю. С. Степанова, присущ всем культурам [17]. Образы имеют концентрическую систему. В центре находится сам ребенок, к нему обращаются с предельной нежностью: тэти — маленький, балам — ребенок, куз нурым — луч моих глаз, бэгьрем — мое сердце, шатлыгым — радость моя, юанычым — отрада моя. Далее находятся мама, бабушка, отец, т. е. всегда вне его пространства. Отец выполняет роль добытчика или защитника, он либо на работе, либо на войне. На следующем круге находятся образы домашних, своих, добрых животных (кот, коза, баран, заяц). На последнем круге располагаются дикие, чужие, страшные животные (ястреб, волк, медведь). Образы колыбельных песен сибирских татар, как и образы других этносов, являются в основном положительно окрашенными, что имеет стратегическую функцию. Ребенок постепенно знакомится с окружающим миром, мир должен быть большей частью «своим», поэтому присутствует

частотное употребление образов матери, бабушки, отца. Но и «чужие» в этом мире также присутствуют.

Что касается синтаксического уровня колыбельной песни, то для ее построения используются простые, часто даже нераспространенные предложения. Одно предложение занимает одну строку. Например:

Баю — баю, баю — бай,
 Поди бука под сарай,
 Поди бука под сарай,
 Деткам сена надавай.

Следствием этого являются сравнительно длинные паузы после каждой строчки колыбельной во время ее исполнения, которые играют положительную роль при восприятии песни ребенком. С. Н. Цейтлин отмечает, что взрослый общается с малышом простыми предложениями, избегая сложных конструкций [18]. Сходство построения синтаксических конструкций колыбельной песни и речи взрослого, обращенной к ребенку, очевидно.

Таким образом, в качестве объекта этноязыкового кодирования выступают культураносные смыслы. Код — это система означивания, которая формируется при помощи стереотипов этнокультурного сознания. Кодирование происходит только той информации, которая имеет стратегическое значение. Сохранение ее происходит при помощи ритуала, обряда, традиции. Традиционная народная колыбельная песня выступает как особое смысловое пространство, сформированное переплетением различных кодов. Паравербальный код способен воздействовать на ребенка с самого младенчества. Музыкальный код ориентирует на ценности духовной культуры. Эмотивный код языка реализуется в лексике, маркированной эмотивной семантикой. Вербальное кодирование происходит на уровне (лексики) персонажей колыбельных песен и синтаксиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алефиренко Н. Ф. Этноязыковое кодирование смысла в зеркале культуры // Мир русского слова. 2002. № 2. С. 70.
2. Там же. С. 69.
3. Там же. С. 71.
4. Там же. С. 72.
5. Байбурин А. К. Ритуал в традиционной культуре. СПб., 1993. С. 11-194.
6. Желтухина М. Р. Тропологическая суггестивность масс-медиадискурса: о проблеме речевого воздействия тропов в языке СМИ. М.; Волгоград: Изд-во ВФ МУПК, 2003. 450 с.
7. Карабулатова И. С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. Тюмень, 2004. С. 22.
8. Антонова Д. Н. Фонетика и интонация. М.: Русский язык, 1988. С. 19.
9. Музычук Т. Л. Интонация как объект лингвистического анализа // Русское слово в мировой культуре. СПб., 2003. С. 57.
10. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000. С. 31.
11. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. С. 25.
12. Карабулатова И. С. Культура детства Тюменской области: традиции и современность. Тюмень, 2004. С. 43.
13. Там же, с. 89.
14. Шаховский В. И. Эмотивная семантика слова как коммуникативная сущность http://www.ruskomn.ru/rca_biblio/sh/shakhovsky02.shtml
15. Там же.
16. Там же.
17. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 230-236.
18. Цейтлин С. Н. Язык и ребенок. Лингвистика детской речи. М., 2000. С. 29.